

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ОБРЯДЫ ПОГРЕБЕНИЯ В ЛИТВЕ

(Доклад в секторе славяно-русской археологии ИИМК 25.XII.1945 г.)

Могиальные памятники с трупосожжением появились в Литве не ранее второй половины I тысячелетия. Они распространялись неравномерно, сосредоточиваясь главным образом в восточной и юго-восточной частях страны.

С первых веков нашей эры трупосожжению предшествует здесь погребение в форме групоположения. В прибрежной и Зап. Литве, как и в Зап. Латвии (Курземе) и в Восточной Пруссии, погребальным сооружением были главным образом грунтовые могилы. В Центр. же и Вост. Литве, как и в Южн. и Вост. Латвии, могиальные памятники представляли курганы.

Соотношение между грунтовыми могилами и курганами к половине I тысячелетия изменяется: первые занимают теперь не только Западный, но и Центр. Литву до среднего Немана и правого берега р. Невежис. Главная же масса курганов сосредоточена между Вилайей (Невис) и Неманом и в Вост. Литве. Это соотношение между двумя видами погребальных сооружений сохраняется и в дальнейшем.

Для грунтовых могил трупосожжение не имело первенствующего значения и всегда носило подчиненный характер по сравнению с основным обрядом — труположением, но тем не менее сожжение трупа там встречается систематически. Древнейшие трупосожжения открыты в могильнике Эйгулай (Пажайлийская вол., Бирж. у.) раскопками 1936—1938 гг. Здесь среди обыкновенных погребений были обнаружены четыре случая трупосожжения. Предметы в могилах с трупосожжением синхронны инвентарю труположений данного же могильника: это — арбалетовидные фибулы, бронзовые пластинчатые несомкнутые браслеты с зубчатым орнаментом, боевые топоры, наконецники копий, что позволяет датировать находки V—VI вв., относя указанные трупосожжения к древнейшим из известных.¹

Если в Эйгулай удельный вес могил с трупосожжением ничтожен по сравнению с погребениями, то в западнолитовском могильнике Припмонгай Кругинской вол. их роль возрастает. Из 89 раскопанных могил 50 оказались с сожжениями. Кальцинированные кости вместе с обожженными инвентарем помещаются в ямах на глубине до 1.3 м и сверху прикрываются камнями.

жести около 0.3 мм. Канал всегда очень ровный, слегка конический. Трубочка, очевидно, была свернута из железной жести и, весьма вероятно, затравливалась алмазным порошком. Подковка бус обычно весьма совершенная и производилась, очевидно, на дереве или на коже специального порошком. Форма этих бус чрезвычайно разнообразна: шаровидные, «оленьки», биконические, трубчатые, линзовидные, дольчатые, грабёные и др. Материалом для бус служили большей частью полупрозрачный краснокоричневый сердоланк с редкими прослойками жваго-красного пигмента, но нередко бусы из голубоватого или желтого халцедона, оникса, горного хрусталя, аметиста, цитрина, реже — граната, изумруда. Несмотря на разнообразие формы и материала, принадлежность бус к одной производственной традиции бесспорно определяется общей для них деталью — надпилом, как подготовительной операцией перед сверлением.

Бусы с надпилом широко приурочены к территориям, находившимся в культурном обмене с эллинистическим Востором. Они в изобилии находятся по всему Причерноморью от Ольвии до Керчи и Анапы и встречаются в Приднестровье, по Дону, Кубани, Риону. Редкие, одиночные экземпляры обнаруживаются и в более широком ареале. Сопровожаются они обычно весьма обильными стеклянными, очень разнообразными (двевтными, золочеными и пр.) бусами и другим инвентарем, несомненно эллинистического производства III—I вв. до н. э. и отчасти римского времени I—II вв. н. э. Перечисленными примерами исчерпывается разнообразие древних приемов сверления бус из твердого камня. В большинстве случаев типом сверления определяется группа бус иногда разной формы и материала, изготавлявшихся, очевидно, по одной устойчивой производственной традиции в некотором территориально замкнутом объединении мастеров. Однако перечисленными типами отнюдь не исчерпывается весь ассортимент каменных бус, бытовавших в древности на Кавказе. В ряде случаев признаков сверления оказывается недостаточно для выделения типа бусины. Необходимо также наблюдения над способами шлифовки и полировки, формой бусины и ее материалом. Это относится к бусам, сверленным алмазным осколкам и в особенности железным трубчатым сверлом, заправленным алмазным порошком, появившимся, повидимому, около VIII—V вв. до н. э. и применявшимся в неизменном виде около двух тысячелетий вплоть до наших дней.

Менялись формы, материал, отделка бусины (которая после эллинистического совершенства доходила до полного упадка), но сверление тонкого, слегка конического канала трубкой или цилиндрического канала алмазом оставалось неизменным. Впрочем, и сами каменные бусы под натиском более дешевого, а иногда и более яркого стекляного и керамического товара начинают сходиться со сфены. Прочное место на долгие века сохраняются только за драгоценными камнями: гранатом, сапфиром, рубином, изумрудом, жемчугом и т. д. Сверление их производилось как трубчатым сверлом с алмазным порошком, так и сверлом, заправленным одним или двумя крошечными алмазными кристалликами или их осколками. Отсюда происходят старорусские термины: «алмазистый», «проалмазистый», «алмаженный», т. е. сверлить, просверлить, сверленный драгоценный камень или жемчуг.

Как уже было отмечено, пока еще нет точных данных для того, чтобы отнести те или иные бусы к Индии или иной стране или признавать их продуктом местного производства. Вопрос этот остается открытым.

¹ J. Puzinas. Naujasliu pograbiniu tytin. duomenys, Kaunas, 1938, стр. 73—74.

Часть личного инвентаря покойного, не обожженная и не попавшая в костер, была найдена в могиле сломавшей или согнутой. Значительный инвентарь могильника Прижмонтай представлен позднейшими формами арбалетовидных фибул с четырехугольными основаниями, подкововидными пряжками, булавками с трехугольными и крестообразными головками, браслетами со звериными головами, мечами франкского типа, датирующими Прижмонтай концом I тысячелетия (IX—X вв.).¹

Трупосожжения Центр. и Зап. Литвы с конца I тысячелетия дополняются погребением коня. В 1936—1938 гг. в Палайдай и Никелай Швешкиянской вол. Таурагенского у. найдены следы разрушенного могильника. В ямах — останки сожжения с изоляционным и согнутым инвентарем в соседних — кости погребенного коня. Убор коня (цепи с колокольчиками, стремяна, шпоры) и инвентарь сожжений (подкововидные пряжки, крестообразные булавки и рукоять меча франкского типа) позволяют отнести этот могильник к началу II тысячелетия.²

В Граужпай (Иошанская вол. Кедянского у.) исследования последних лет дали тип могильника, где сожжение трупа сочетается с захоронением коня. Могильник Граужпай является типичным для подобных памятников, расположенных по берегу р. Невежис, границе грунтовых могил и курганов. В ямах глубиной до 1,2 м на правом или левом боку лежат остатки коней; в одном из погребений обнаружены костяки двух коней, головы ориентированы на запад. Повидному, кони были законаны живыми. В той же яме или вырытой рядом с конем обычно находят пережженные останки человека.³

Умерший, очевидно, возлагался на костер в парадном одеянии; вещи, принадлежавшие ему, но не попавшие на костер, должны были быть сломаемы или изогнуты — приведены в негодность.

Могильники Вост. Пруссии помогают установить, что в области грунтовых могил трупосожжение прослеживается с V—VI до XIV—XV вв. Оно имело разное значение в разные периоды, но никогда за все тысячелетие не восторжествовало над трупосожжением.⁴

Существование трупосожжения и погребения в одних и тех же грунтовых могилах, общий характер инвентаря, оставленного в одних и в других погребениях, исключают возможность видеть в каждом из них племенные различия; здесь вероятнее — социальное деление.

Земли, занятые грунтовыми могилами, жившей от Приморья до Среднего Немана. О жмудицах «Ливонская хроника» под 1286 г. сообщает: «когда наступил вечер и окончился штурм, они начали сжигать своих мертвых».⁵

Основываясь на этом, надо полагать, что сожжению предавались воины, но не все, ибо имеются могилы воинов с трупосожжением.

Иной оказывается роль трупосожжения в Юго-Вост. и Вост. Литве. Здесь безраздельно господствует курган. Первые трупосожжения связаны

¹ V. Nagevičius. Musu rajūgio medžiaginė VIII—XIII amž., Kaunas, 1935, стр. 43—44, 58—59.

² Puzinas, Указ. соч., стр. 112.

³ Там же, стр. 115. В Каунасском Художественном музее хранятся материалы других могильников этого же типа.

⁴ E. Hollas, Die Grabstätten Ostpreussischen Cräberfelder. Zschr. für Ethnol., 1908; вып. 2, стр. 179—181.

⁵ Scriptores Rerum Livonicarum, Riga und Leipzig, 1853, строфы 10 101—10 103. Виленский вестник, 1888, № 230; Ф. В. Покровский. Археол. прогулка в окрестности Радлошкони. Труды Виленского отд. Моск. педагогич. комитета по устройству IX Археол. съезда, Виляна, 1893, стр. 139—146; Ф. В. Покровский. Вторая археол. экскурсия в бассейн р. Лоши. Там же, стр. 136—139.

с предшествующим обрядом трупосожжения. Это — невысокие сферические насыпи до 1 м. Прах, сожженный на стороне, помещается на поверхности или насыпи кургана, или в неглубоких ямах; в последнем случае, повидному, сохранилась связь с обычаем предавать умершего земле.¹

Подстилка из белого песка, свойственная курганам с трупосожжением, сохраняется и в ранних памятниках с трупосожжением. В их инвентаре мы также встречаем железные и бронзовые фибулы, овальные пряжки, умбонны щитов, узкоклинковые топоры и ромбоидальные наконечники копий, спиральные браслеты и перстни.

Предметы первых трупосожжений те же, что и инвентарь курганов с трупосожжением половны I тысячелетия; этим временем и датируется их появление в Литве. Типология инвентаря прибалтийских могильников, составленная за последние десятилетия, заставляет внести поправку в датировку первых литовских трупосожжений, которые Спицын относил к VIII—IX вв.,² и фиксировать здесь начало трупосожжения в V—VI вв. Если в области грунтовых могил трупосожжение охватывает часть населения, то в землях с курганами трупосожжению придают главенствующее значение, и этого обряда здесь прочно держатся вплоть до XV в.

Появляются курганы длинные, в основании четырехугольные (Лынтупы, Радкий бор, Олса). Группа таких длинных курганов изучена в латышских землях (Катаалва, Скрыпшнь, Казаданка, Шушкава, Пакурали, Шешки, Латшонки).³ Это — насыпи 9—45 м в длину, 4—10 м в ширину и 0,5—2,5 м в высоту с прямоугольным рвом. На тонком слое из белого песка находятся пережженные кости, прах, сожженный на стороне, не помещается на грунте или в насыпи. Редко встречаются лещные сосуды. Длинные курганы характерны коллективными сожжениями. Найденные украшения IX—X вв., гривны с трапециевидными подвесками, массивные чешуйчатые стержни и др., носят следы сильного огня.

С появлением длинных курганов круглые не исчезают. Но сферические курганы конца I и начала II тысячелетий больше размерами, чем ранние круглые. Количество их в одном могильнике меньше. Труп попрежнему сжигается на стороне. Несколько погребальных плит в одном кургане свидетельствуют о неединичных сожжениях. В одних поздних сферических курганах группируются предметы вооружения (топоры, копья), в других — предметы женскими нет, но первые, повидному, отживают свой век к концу I тысячелетия, в то время как вторые встречаются в XIII—XIV вв. и, повидному, даже в XV в.⁴

На грани I и II тысячелетий появляются и здесь трупосожжения с конем. Курганы этого типа встречаются в тех же могильниках, где имеются вышеописанные погребальные сооружения. По внешнему виду курганы с конем были конусообразными. Предметы личного наряда отсутствуют, нет обычного литовского оружия, вместо этого предметы конской сбруи, стре-

¹ Ф. В. Покровский. Курганы на границе Литвы и Белоруссии. Там же, ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 329—331; П. С. Рыков. Могильники близ станции Сморгонь, Зап. Сев.-Зап. отд. русск. географ. об-ва, Виляна, 1914, кн. 4, стр. 14—17; П. С. Рыков. Могильник близ имени Маркентис, Омдинского у., Виленской губ. Зап. Сев.-Зап. отд., стр. 7—13; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Виляны в археол. отношении. Труды X Археол. съезда, т. I, стр. 78, 116, 117, 153.

² А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв. Зап. Русск. археол. об-ва, СПб., 1896, т. VIII, вып. 1—2, стр. 103—114.

³ F. Valodis. Archäologische Forschung in Lettland, 1920—1926. Eurasia septentrionalis Antiquae, т. I, стр. 125.

⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Виляны, стр. 86, 87.

мена, шпоры, уздечки, удила и характерные литовские серпы.¹ Сожжения с конем строго индивидуальны и доживают до XIV—XV вв.

Трупосожжение в Вост. Литве господствует целое тысячелетие; невысокие сферические насыпи сменяются более мощными сооружеиями этого рода. Вместе с тем появляются длинные курганы с сожжением человека и захоронением коня. Они уже не имеют коллективных захоронений, как не имеют оружия. Стойким признаком в этих курганах является то, что всем им свойственно сожжение, совершаемое на стороне.

Деление Литвы в археологическом отношении на область грунтовых могил и курганов обнаруживает, таким образом, что первая группа памятников связана с обрядом трепосожжения и частично треположения, вторая — исключительно с трепосожжением. Могильный инвентарь, напротив, не обнаруживает подобной территориальной замкнутости, он носит общелитовский характер и подвержен лишь изменению времени. Ранние формы украшений представляли арбалетовидными фибулами, которые затем сменяются многочисленными формами подковообразных застёжек, доживающих в массивных формах до позднего средневековья. Топор — неременное сопутствующее оружие литовца-мужчины — от узкоклинового через переходные формы становится широколезвийным в последних языческих могилах. Утяжелются и делаются массивными наконечники копий.

Соседство восточных курганов со славянскими неминуемо породило в тех и в других черты сходства. Занимаясь систематизацией данных курганов на землях восточных славян, Н. Н. Чернягин отмечает сходство их славянского типа. «В восточных областях литовских племен встречаются овалы или длинные насыпи».² Эти черты сходства можно дополнить: они не только в конструкции памятника, но и в сходстве обряда сожжения трупа и сожжения, как правило, на стороне; в присутствии в вянских курганах вещей литовского типа. Датировка данных курганов славян во многом основана на литовских вещах. Можно сказать, что со второй половины I тысячелетия жители Вост. Литвы и кривичи, которым приписываются длинные курганы, хоронят своих мертвых по одному обряду — трепосожжению. Длинные курганы кривичей сменяются более поздним воздействием христианства не только обряд трепосожжения, но и самые курганы как памятники массового захоронения. Литовский же курган продолжает жить еще четыре, а может быть и больше столетий; следовательно, он продолжает нести в себе те черты верований и быта, которые некогда так глубоко связывали славянские и литовские племена.

Если область грунтовых могил соответствует летописной жмуди, то курганы с трепосожжением были оставлены аустогатами, или собственно литвой, давшими свое имя новому Литовскому государству, в состав которого в XIII в. входил главным образом жмудь и литва. Давние связи Литвы и Руси в начальные этапы существования литовской государственной власти крепнут еще и потому, что над молодым государством с первых же дней его существования нависает угроза немецкого завоевания.

Завоевание совершается под знаком обращения в христианство прибалтийских племен. Разбив пруссов и проникнув в Ливонию, Тевтонский и Ливонский ордена заключают в 1237 г. союз для покорения жмуди и соб-

¹ С. В. Покровский. Указ. соч., стр. 83, 89—91, 120—123*, 124—125, 126—132, 141.

² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Материалы и исследования по археологии СССР, 1941, № 6, М.—Л., стр. 95.

ственно литвы. Какая же идеология могла быть противопоставлена уцелевшим племенам католицизму, под прикрытием которого немцы несли рабство? Такой могла быть лишь старая языческая вера, приверженность к которой проявляется в соблюдении старого погребального обряда. Для эстов приверженность эту отметил Генрих Латвийский, описавший трепосожжение после восстания 1222/23 г. против немцев, когда есты тела своих покойников, погребенных на кладбищах, вырыли из могил и сожгли по старому языческому обычаю.¹

В Литве же, где язычество почти не было поколеблено христианизацией, в XIII и последующих веках упорно продолжали сжигать своих мертвых. Следовательно, вполне возможно, что неоднократно отмечаемое свойство литовской культуры хранить черты, отмершие у других родственных племен, не является присущим ей внутренним качеством, а вызвано историческими событиями, когда в борьбе с католиками-немцами Литва намеренно культивировала свое языческое прошлое. Поэтому языческий погребальный обряд с половины XIII в. не исчезает, а, наоборот, испытывает новый подъем.

Трупосожжение не могло не бросаться в глаза современникам, и не только писателям Запада, но и Руси, где Ипатьевская летопись под 1252 г. сообщает о литовском князе «и мертвых тела сожигаше».²

Путешественник Вульфстан отмечает в IX в., что каждый мертвый у пруссов предавался сожжению, это же повторяет в XIII в. Дусбург.³ В начале XV в. Иероним Пражский отмечает, что литовцы публично сжигали мертвых.⁴ Широко бытование этого обряда в XV в. дает основание полемскому историку Длугошу выводить происхождение литовских племен от италийских.⁵

Длугош пишет: «У них в указанных лесах были костры (jocos), разделенные по семьям и родам, там они сжигали трупы с конями, седлами и лучшей одеждой».⁶ Сожжение родичей на одном костре может свидетельствовать о совместном захоронении родичей. За семейным костром следует семейная усыпальница.

Длугош сообщает далее, что в первые дни октября у литовцев в лесах, где они сжигали своих мертвецов, совершалось величайшее торжество; туда стекался народ с пищей и питьем, и они у костров делали приношения богам. Родичи группируются у погребального костра, как в обычной жизни вокруг домашнего очага. Что касается октября, как месяца поминания мертвецов, то сведения Длугоша подтверждаются тем, что Эйнгорн, писатель XVII в., указывает, что в его время латыши называли октябрь «Wällai — пепелис» (месяц мертвецов).

В связи с активизацией язычества в XIII—XVI вв. в литературе отмечаются факты сожжения знатного человека. Дусбург в XVI в. пишет, что знатный прусс сжигался со саугами, конями, оружием, соколами и собаками. Длугош эти сведения сообщает о знатных литовцах.⁷ Летописец Быховца упоминает легендарного князя Скирмонта, который «тело отцу своего эрыгот, и коня его на котором ездывал и шату его, которую носил и милосника его, на которого ин был ласкавъ и сокола и хорга его

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, М.—Л., 1938, стр. 226.

² ПСРА, т. II, СПб., стр. 188.

³ A. Mierzynski. Zrodla do mytologii litewskiej od Tacyta do konca XIII wieku, т. I, Warszawa, 1892, стр. 36; Scriptores Rerum Prussicarum, Leipzig, 1861, т. I, стр. 54.

⁴ Scriptores Rerum Prussicarum, т. IV, стр. 238.

⁵ W. Mannhardt, Letto-preussische Götterlehre, Riga, 1936, стр. 141.

⁶ Там же, стр. 141—142.

⁷ Scriptores Rerum Prussicarum, т. IV, стр. 54; Mannhardt, Указ. соч., стр. 141.

эжог». ¹ По рукописи Супрасльского монастыря эта легенда приводится в следующем варианте: «Обереть себе великий князь Швинторог место на литви велми хорошо подле реки Вельи, где река Вильна упадает у Велью, и просил сына своего Скирмунта, абы на том месту было жеглице вчичено, где ж бы его мертвого сожгли, и приказал сыну своему жебу на том месту, где бы его сжег всех князей литовских и знаменитых бояр сожжено было и штобы вже инде тела мертвых не были сожжены только там». ² Итак, местом сожжения является пуца, т. е. Дутош правильно отмени, что литовцы сжигали мертвецов в лесах, здесь же речь идет о вполне определенной пуце, находящейся при слиянии рек Вилии (Нерис) и Вилейки, т. е. на месте будущей Литовской столицы Вильны. Наряду с легендарными литовскими князьями, имена которых связаны с обрядом трупосожжения, этого обряда придерживается сам реальный глава государства Литовского, князь и государь. О Миндовге, первом литовском князе, принявшем христианство, есть следующий отзыв Ипатьевской летописи: «Крещение же его льстиво бысть жряще богом своим втайне... и мертвых телеса сожигаше, и погашство свое яве творяще». ³ Гедимин (1316—1341), носивший титул короля Литвы и Руси и имевший русских православных жен, по смерти был сожжен совместно со своими пленниками — рыцарями Тевтонского ордена — на горе в Вильне, прозванной с тех пор Гедиминской. ⁴ Сын Гедимина Ольгерд, по некоторым данным, сам крещеный в православие, по сведениям Виганда Марбургского, был предан сожжению. Виганд пишет, что Ольгерд был пышно сожжен по смерти своей в 1377 г. вместе с 18 конями. ⁵

Дутош считает местом сожжения Ольгерда место около старинного замка Крево. ⁶ В. Б. Антонович усомнился в возможности сожжения Ольгерда, ввиду его несомненной склонности к христианству и, возможно, тайному крещению. ⁷ Но даже если Ольгерд и принял православие тайно, то сожжение его после смерти вполне допустимо, ибо язычество было в Литве столь еще властно, что христианство не имело возможности искоренить традиционное сожжение князя.

Брат Ольгерда Кейстут, герой постоянной борьбы с немцами, любимец коренного языческого населения, сам до конца жизни был убежденным язычником. Видя мртвого, князь Кейстут приказал ⁸ его сжечь. ⁹ В 1382 г. сам Кейстут по смерти был всенародно «по языческому обычаю сожжен».

По отдаленным замечаниям современников дополняется обрядовая сторона трупосожжения. Гильберт де Ланнуа, француз, попавший в Литву в начале XV в., замечает, что по направлению дыма при сожжении трупа литовцы гадают. ¹⁰ Представление, что по сожжении трупа душе придется карабкаться на высокую гору, вызывает то, что в могилу (по летописи Быховца) кладутся «рысьи альбы медвежьи котны». ¹¹ Коттевидные костюмы

¹ ПСРА, т. XVII, стр. 305.

² В. Б. Антонович. Очерки по истории Великого княжества Литовского, до появления XV в., Киев, 1878, стр. 32.

³ ПСРА, т. II, стр. 188.

⁴ П. Э. Брянецев. История Литовского государства с древнейших времен, Вильна, 1889, стр. 127—128.

⁵ *Scriptores Rerum Prussicarum*, т. II, стр. 113.

⁶ *Malpheardi*. Указ. соч., стр. 143.

⁷ В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 98.

⁸ А. Мержинский. Резюме. Труды X Антол. съезда, 1889, т. I, М., стр. 375.

⁹ *Script. Rerum Prussicarum*, т. II, стр. 620.

¹⁰ А. Mierzynski. Указ. соч., т. II, 1896, стр. 129.

¹¹ ПСРА, т. XVII, стр. 305.

амулеты найдены в литовских могильниках. ¹ В работах Н. Н. Воронина и Я. В. Станкевич проследжено, что находки глиняных медвежьих лап, свойственные нашей северной стороне, связаны главным образом с трупосожжением. ²

Судя по свидетельствам, в потребальном обряде участвовали специальные жрецы. В договоре ордена с пруссами 1249 г. орден, борясь с языческими верованиями, ставит условием «да не имеют у себя тулиссонов и лигассонов (*Tullissones vel Ligassones*), людей явно лживейших, актеров, которые как жрецы рода провожают на тот свет умерших и замученных, провозглашают злое добрым и славят мертвых...»

В битве при Мемеле жрецы вели литовцам сжечь своих мертвых. ³

Трупосожжение в Литве, прочно бытующее еще в позднее средневековье, связывается с важнейшим божеством — огнем, требовавшим человеческих жертв. Грамота патриарха Флаофея называет литовцев в 1370 г. «огненнокланниками». Хроника крестоносцев XIII—XIV вв. полны жалоб на литовцев, предавших сожжению многих пленных рыцарей ордена с их конями в честь языческих божеств. ⁴

Так в свете археологических и письменных памятников до некоторой степени может быть восстановлен обряд трупосожжения на Литве. Умерший, одетый в парадное облачение, сжигался в лесу на костре, там же после смерти сжигались и остальные его родичи. Жрецы прославляли заслуги умершего и гадали по направлению дыма от костра. Потом прах с обожженным инвентарем переносился в могилу, куда вкладывались и вещи покойного, намеренно испорченные и сломанные, дабы они были не пригодны к употреблению живыми. В ранних трупосожжениях прах умершего и его инвентарь прикрываются камнями; чтобы душе легче было карабкаться на высокую гору, инвентарь умершего полагается когтями хищных животных. Членов одной семьи, подвергнувшись кремации на семейном костре, хоронят в одном кургане. Имущественным расслоением в конце I и в начале II тысячелетия можно объяснить наличие погребений (в отдельных курганах) группы всадников, сожженных вместе с конями.

Ежегодно в октябре леса, где сжигались мертвецы, наполнялись родственниками умерших, возносившими у семейных костров жертвы богам. Подъем язычества, вызванный борьбой с немецким крестоносным нашествием, отражается в обрядах сожжения знати и даже самого главы Литовского государства. С князем сжигаются его пленники, одежда, оружие, кони, соколы и собаки. Местом сожжения была пуца при слиянии рек Вилии и Вилейки, куда в XIV в. переносится литовская столица.

¹ Находки Шукевича, хранящиеся в Музее Литовской Академии Наук (Вильно). Подобный амулет встречен в раскопках Ф. В. Покровским.

² Н. Н. Воронин. Медвежий кулач в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, 1941, № 6, стр. 162—164; Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья. Там же, стр. 66—70.

³ А. Mierzynski. Указ. соч., т. I, стр. 121.

⁴ В хрониках Дусбурга под 1290, 1320, 1323 гг.; Виганда Марбургского 1352, 1365, 1389 гг.; Германа Бартерского 1338, 1345, 1375 гг.; в Ливонской хронике под 1260, 1287 гг.